
Глава 1

Маркус Уокер любил Чикаго, и Чикаго платил ему взаимностью. Именно благодаря этой взаимности Маркус и находился сейчас в Баг-Джампе, штат Калифорния. Для точности надо, правда, отметить, что не в самом Баг-Джампе. Даже местные жители признают, что находиться в Баг-Джампе как таковом просто невозможно. Сей населенный пункт представлял собой изменчивое, как тучи летних комаров, скопление стоянок вокруг озера Коули, на берегу которого Маркус поставил свою палатку.

Коули, одно из бесчисленных пятен невероятной синевы, разбросанных в северных отрогах Сьерра-Невады, словно шарики лазуритового ожерелья, царственно покоилось в конце получасового пути по дороге, вырубленной в граните с помощью буров, пороховых зарядов и неистовых ругательств дорожных рабочих. Выбоины и трещины были подлинным проклятием для полноприводного «дуранго» Уокера, что совершенно не беспокоило нашего оптового торговца. Машина не была его собственностью, он взял ее напрокат. На неровной каменистой дороге, ведущей в Баг-Джамп, выносливый вездеход покрывается царапинами и вмятинами, как лоб самого Маркуса Уокера — золотисто-коричневым загаром.

Как бы то ни было, прислушиваясь к жалобному стону, раздававшемуся, когда он на подъеме переключился на первую передачу, Маркус думал о том, что этот год выдался на редкость удачным для него. И это несмотря на то, что он достиг преклонного тридцатилетнего возраста. В отличие от многих его буйных, но недовольных жизнью коллег он не думал, что отныне жизнь его покатилась под горку. Несмотря на некоторые многообещающие возможности, он решительно отказался подавать заявку на прием в институт брака и тем самым сохранил многие завидные возможности, закрытые для большинства его коллег. Нет, нет, не то чтобы он терпеливо и неоднократно повторял разным любопытным, не все из которых доводились ему родственниками, что не хочет жениться; нет — он просто разборчивее и требовательнее других. Он происходил из не вполне благополучного семейства: его родители расстались, когда Маркус был подростком, и, в отличие от большинства успешных сверстников, проявлял в этом вопросе большую осторожность, боясь совершить такую же ошибку.

Он был небогат, но, учитывая возраст и квалификацию, жил комфортно. И все это благодаря тяжкому труду и врожденной проницательности. Как он, например, ловко и быстро обтяпал то дельце с бразильским концентратом апельсинового сока. Маркус скрипнул зубами, когда внедорожник ухнул в очередную выбоину, ставя под угрозу страховку. Из всех других работников офиса только Эстрада внимательно следил за погодой в Бразилии и вовремя узнал о наступлении поздних заморозков. Когда ударили заморозки, только они двое попали в точку со своими фьючерсами по цене, выгодной для заказчиков.

Потом было какао. Сделки с какао не только сотворили чудо с его личными банковскими счетами, но

оказались весьма благотворными и в социальном плане. Если в ответ на вопрос девушки в баре вы скажете, что зарабатываете на жизнь оптовой торговлей, то она недоуменно пожмет плечами, пересядет на другой стул, сменит тему разговора, вымученно улыбнется или попытается выяснить, насколько хорошо оплачивается эта работа. Но чаще всего блеск в ее глазах становится таким же тусклым, как глазурь на рождественском пироге.

Если же скажете ей, что вы *в шоколаде*, то это будет нечто среднее между утверждением того, что вы на днях унаследовали пятьдесят миллионов, и того, что ваш родной брат — постоянный клиент «Тиффани». Такое признание, вкупе с таинственным выражением лица, сразу позволит вам учуять всплеск женских гормонов — даже если вы при этом зажмете одну ноздрю.

Он мысленно усмехнулся, представив себе, какие ассоциации порождает упоминание о его истинной профессии у представителей обоих полов — все, что угодно: от блистательного, кочующего по миру предпринимателя до одуряюще скучного бухгалтера с осовелыми глазами. Никакими словами невозможно было поколебать это первое представление.

Его нисколько не заботило, что начали темнеть лесистые склоны, окаймлявшие узкую извилистую дорогу. За последнюю неделю он несколько раз ездил от своей уединенной стоянки в Баг-Джамп и успел за это время неплохо изучить капризную дорогу. Возвращаясь с наступлением темноты назад, он просто поедет немного медленнее. Все было нормально, он доказал, что были не правы те его друзья, кто утверждал, будто он не выдержит в глухомани Сьерра-Невады и двадцати четырех часов, что он с визгом сбежит оттуда в по-

исках ближайшего «Макдоналдса». Но все же Маркус был вынужден признать, что ему очень не хватало здесь человеческого общества. Правда, было бы большой натяжкой обозначать так обитателей этого медвежьего угла, несмотря на то что и здесь встречались почти нормальные люди, а это оправдывало его вылазки в горную деревушку.

Но пока он, как и обещал, провел уже пять из оговоренных семи ночей в палатке, поставленной в безлюдной местности северной Калифорнии. Осталось всего два дня до того радостного момента, когда он вернется в Сакраменто и сядет в самолет до Чикаго. Так что он вполне заслужил сегодняшнее увольнение. В Баг-Джампе есть продуктовый магазин. Там есть банк и почта в одном здании. Там есть бензоколонка. И конечно же в Баг-Джампе есть бар. Естественно, трясясь и скрежеща по крутым склонам из плохо обработанного гранита, он стремился в Баг-Джамп отнюдь не для того, чтобы до наступления темноты попасть в банк.

Свет, внезапно вспыхнувший в небе, был настолько ярок, что заставил Маркуса не только отвлечься от трудной дороги, но и остановиться и поставить внедорожник на ручной тормоз. Машина, наслаждаясь заслуженным отдыхом, довольно заурчала на холостых оборотах, словно лев, переваривающий полумертвую антилопу.

Что это за чертовщина? — подумал он, опустив боковое стекло и высунув голову наружу. Может быть, это метеорит? Люди, живущие в Чикаго, нечасто видят метеориты. Если уж быть честным, то они не видят и звезд, и даже Луна подчас кажется неясным пятном, скрывающимся за облаками. Наблюдая, как неведомый объект по крутой траектории стремительно спускается

к земле, Уокер сознавал, что ему практически не с чем сравнить это событие, а знаний явно не хватало для того, чтобы судить, что это такое.

Ему показалось, правда, что в облаке света он различает какой-то продолговатый предмет. Но этого не может быть. Ведь падающие метеориты круглые, разве нет? Или они похожи на комету с огненным хвостом? Мигает ли их свечение, когда они врезаются в земную атмосферу? Ему показалось, что предмет летит слишком медленно для метеорита, но что он знает о скорости вошедших в плотные слои атмосферы космических осколков?

Предмет исчез за высокими деревьями. Маркус долго сидел, внимательно прислушиваясь. Прошло несколько минут, но с места возможного падения не доносилось ни звука. Потом где-то в лесу недовольно ухнула сова. Наверное, эта штука, решил он, что бы это ни было, сторела дотла. Или ударилась о землю где-то очень далеко отсюда. Он поднял боковое стекло, включил передачу и продолжил свой — не столь стремительный — спуск. Ему хотелось есть и пить, но больше всего хотелось хоть с кем-нибудь поговорить. Его отнюдь не прельщало общение на тему наличия ананасового сока или замороженного бекона. Он хотел говорить о политике, спорте или вообще о чем угодно — даже в Баг-Джампе.

Через двадцать минут внизу показались огни места, называемого — пожалуй, излишне оптимистично — городом. Вскоре Маркус остановил машину перед дверями единственного бара-ресторана. По немощеной парковке разносилась музыка — смесь кантри и поп-ритмов. Рэпа не было слышно, его припасли для еды. Мать-земля давно поглотила тонкий слой гравия, которым некогда была засыпана автомобильная стоянка.

Дождей здесь практически никогда не было, и стиральная доска, на которую он въехал, была тверда, как железобетон.

Наступил вечер пятницы, и Баг-Джамп гулял. Помимо взятого напрокат «дуранго» Маркуса, на парковке беспорядочно теснилась еще дюжина автомобилей. Здесь не было ни одной городской машины — сплошь вездеходы, пикапы да пара выдавших виды грязных мотоциклов.

Ступив на бетонный тротуар, окаймлявший единственную улицу городка, Маркус толкнул стеклянную дверь, прошел двойной тамбур и толкнул вторую дверь. В тот же миг на него обрушилась смесь заводной ритмичной музыки, громких голосов, грубого хохота, запаха подгоревшего мяса и стука киев, беспощадно гонявших по суконному столу бильярдные шары, сделанные из пластика, выдающего себя за слоновую кость. Безупречно круглые, похожие на безжизненные и невыразительные глаза больших белых акул, эти шары, напоминавшие фрагменты черепов безжалостно резанных парнокопытных, бесстрастно смотрели друг на друга с противоположных стен. Была здесь и непременная медвежья голова с окаменевшими челюстями, застывшими в припадке фальшивой ярости; по залу были расставлены старые железные капканы, запятнанные многолетней ржавчиной и кровью лохматых жертв; на стенах красовалась анимированная реклама сортов пива, которую через тысячи лет археологи будут благоговейно рассматривать как памятник высочайшей изобразительной культуры далекого прошлого. Там и сям виднелись автомобильные номера разных штатов, разъеденные годами и коррозией, и множество другого, изрядно повидавшего на своем веку хлама.

Хотя приближавшаяся осень пока лишь скромно напоминала о себе вечерней прохладой, в адских глубинах огромного, обложенного речными валунами и расположенного в углу зала камина громко трещали громадные поленья исполинского дуба. Пламя самоубийственной игры воздуха и дерева выплясывало свой дьявольский танец, отражаясь в тройных стеклах выходявших на стоянку окон, сквозь которые — на фоне горных склонов — виднелись автомобили и высокие деревья.

Никто из посетителей не обратил на Уокера ни малейшего внимания, когда он неторопливо направился к стойке бара. Как истинный оптовый торговец, профессия которого требовала частых поездок за границу, он знал, как смешиваться с местным населением. Конечно, он ни за что не смог бы сойти здесь за местного, но его фланелевая рубашка, дешевые джинсы и тяжелые ботинки были уже в достаточной мере вымазаны глиной и пылью.

— Водку со льдом, — сказал он утомленной женщине за стойкой.

Женщина эта была похожа на другую барменшу, о которой один тexasский торговец сказал, что она напоминает заезженную и выставленную на продажу лошадь. Но напиток здешняя дама приготовила быстрее, чем в самом лучшем заведении «Петли», да и по качеству он был лучше.

Усевшись на один из многих свободных стульев и потягивая напиток, он принялся с самодовольной отстраненностью заезжего антрополога рассматривать толпу посетителей. Отпускников, таких как он, было немного. Сезон заканчивался, в школах начинались занятия, а погода ухудшалась. Именно поэтому озеро, на котором рыбачили немногочисленные местные жи-

тели, и аспидно-серые горы были практически полностью в его единоличном распоряжении.

Допив водку до половины, он начал беспричинно улыбаться. Отчасти эта улыбка была вызвана ледяным напитком, отчасти сознанием того, что он, скорее всего, выиграет пари, заключенное с друзьями — мужчиной и женщиной, утверждавшими, что не пройдет и недели, как он явится домой с поджатым хвостом, если, конечно, его не съедят комары, бешеные сурки или еще какие-нибудь неведомые звери калифорнийской глухомани.

Ну что ж, они его недооценили. Маркус Уокер не такой слабак, как они думают. Мало кто знал, что он был защитником футбольной команды одного университета на Среднем Западе. Прикрывая бреши в обороне, он часто, в буквальном смысле слова, рисковал жизнью. Первобытная жизнь его не пугала. Всего через пару дней он даже сумел поймать пару рыбин на обед. Большинство его друзей без электронного секретаря, ноутбука и мобильного телефона не смогут поймать даже простуду.

В довершение всех сегодняшних удовольствий рядом с ним вдруг материализовалась девушка, эффектно заполнившая фланелевую рубашку, джинсы, а заодно и пространство между Маркусом и соседним стулом у стойки. Девушка была его ровесницей или, может быть, немного моложе. Фактически выиграв пари с друзьями, Маркус Уокер быстро заключил новое пари — с самим собой.

— Виски и воду, Джилл, — сказала девушка барменше.

Сделав над собой усилие, Уокер воздержался от традиционных и тривиальных приемов. Даже в такой глуши, как Баг-Джамп, она, несомненно, насмотрелась их вдосталь. Он выбрал подходящую стратегию, когда де-

вужке подали выпивку. Знакомство должно быть спонтанным, словно по вдохновению.

Он отхлебнул водки из низкого широкого стакана, стараясь не обращать внимания на неизвестного происхождения пятно окаменевшей грязи на его краю, и, обращаясь в пространство, задал вопрос:

— Интересно, кто-нибудь кроме меня видел недавно падающую звезду?

Она, скорее всего, наморщит лоб и посмотрит на него с неподдельным удивлением, с каким, наверное, местные аборигены рассматривают незнакомые предметы. Словесная кость брошена, теперь осталось только сидеть и ждать, сколько очков она покажет.

Девушка слегка подняла брови:

— Вы тоже видели?

Ага, кажется, на этот раз выпала семерка, удовлетворенно подумал он.

— Интересно, что это было. Я подумал сначала, что это метеорит, но он падал очень медленно. — Маркус повернулся к девушке.

— Я подумала, что это спутник или его крупный фрагмент, — объяснила она, продемонстрировав грамотную речь, и поднесла к губам свой стакан. — Если солнечные батареи не успели сгореть, они могли затормозить падение в плотных слоях атмосферы.

Это был не тот ответ, какого он ожидал. Но слова девушки его не разочаровали. В его книге было написано, что образование и красота у представительниц прекрасного пола не обязательно исключают друг друга. Любопытно, как она зарабатывает на жизнь? Он не стал теряться в догадках и спросил.

В ответ девушка дружелюбно улыбнулась. Глаза ее были такого же василькового цвета, что и вода на мелководье озера Коули.

— Джейни Хаскелл, — представилась она. — Я работаю в компании спутникового телевидения. Ну, понимаете: ремонт, установка, продажа.

Это было достаточное объяснение ее образованности и знания спутников, включая особенности их падений.

— Маркус Уокер, приехал сюда отдохнуть...

— Вы шутите, — усмехнулась она.

— ...Из Чикаго. Я в шоколаде.

Глаза ее вспыхнули. Этой реакции он и ждал. Эта фраза никогда не подводит, подумал он. Если бы он сказал, что он в концентрате апельсинового сока, то это не возымело бы такого эффекта.

Джейни покончила со своим виски раньше, чем Уокер с водкой, и он заказал ей еще один стакан. Одной семеркой больше, радостно подумал он. Когда Уокер допил водку, Джейни угостила его следующей порцией. Определенно сегодня ему везет. Следующие несколько часов они провели весело болтая, смеясь, рассказывая истории и угощая друг друга крепким алкоголем. Бородатый мужик, сидевший на соседнем стуле, допил последнюю порцию и вывалился из бара. Девушка, издав чувственный скрип джинсами о кожу, села на освободившееся место, одновременно прижавшись ногой к колену Уокера. Ногоу она не отодвинула.

Если сегодняшнюю ночь он проведет не в палатке на берегу озера, то проиграет заключенное с друзьями пари. Глядя в сладкие влажные глаза Джейни, Маркус думал, что, пожалуй, стоит плюнуть на пари. Впрочем, друзья все равно ничего не узнают. Рано утром он вернется на озеро, сфотографирует палатку на мобильный телефон и, как было условлено, отошлет им фотографию в подтверждение того, что он на месте.

Но к сожалению, судьба устала выбрасывать семерки на брошенных им костях и обернулась к нему своей змеиной мордой.

Этого парня и впрямь можно было назвать Змеиным Глазом. Он был мал ростом, уродлив и выглядел так, словно только что выбрался из грязи во дворе одной из отдаленных местных ферм. Напротив, два сопровождавших его парня были гладко выбриты и опрятно одеты. Поначалу Уокер не мог понять, что общего у этих парней с низкорослым уродом в замызганных портках, который, скорее всего, был их жожаком. Может быть, они ему задолжали, подумал Уокер. Впрочем, какое это имеет значение. Глаза Коротышки Змеиного Глаза вспыхнули недобрый огнем, и это не было отражением пламени в камине.

— Ты нездешний, с Востока, пижон?

«О господи! — Полупьяный Уокер едва пригасил улыбку. — Сейчас он предложит мне выйти и разобратся».

Этого парня он несколько не боялся, как, впрочем, и его спутников. Но их было трое, а это неважное соотношение сил — что в городе, что здесь. Интересно, они выбрали его, просто чтобы развлечься, или у кого-то из них виды на Джейни Хаскелл.

— Мы с леди беседуем.

Толпа в баре не обращала никакого внимания на назревавший конфликт, чего нельзя было сказать о барменше. Она внимательно следила за развитием событий, но Уокер понимал, что не настолько внимательно, чтобы немедленно вызвать копа и остановить ссору. Может, это и к лучшему, потому что если будет драка, то местный полицейский, скорее всего, примет сторону аборигенов. Бог с ним, что его могут побить, хуже, если он не успеет добраться до палатки, ото-

слать условленное видео и проиграет пари. А ведь ему осталось продержаться всего два дня.

Вместо ответа Змеиный Глаз обернулся к изрядно опьяневшей Хаскелл.

— Удивительно, Джейни, как ты не упала с крыши и не сломала себе шею. — Он обратился к одному из театральных ковбоев: — Рик, не отвезешь Джейни домой?

Рослый блондин кивнул.

— Может быть, твоя подруга еще не хочет домой? — Отставив в сторону стакан, Уокер выпрямился на стуле. Футбольная закваска вкупе с широкими плечами — Уокер отлично это знал — на какое-то время охлаждали пыл забияк. Хватит ли этого, чтобы остановить троих, было пока неясно.

— Она мне не подруга, — коротко отрезал Змеиный Глаз. — Она — моя сестра.

— Тем более надо спросить, чего хочет она. — Заведенный выпитой водкой, Уокер не собирался уступать какому-то деревенскому недомерку, пусть даже из-за этого он проиграет пари.

— Это не важно, чего она хочет, пижон, но завтра она должна явиться на прием к врачу. — Он покосился на девушку, которая слезала со стула, с видимым отвращением глядя на непрошеного помощника. — Завтра должен быть готов анализ.

— Прием у врача? Анализ? — Ошеломленный Уокер изо всех сил старался разогнать пелену, окутавшую его мозг. — Она больна или как?

— Или как. — Видя, что приезжий пижон не собирается оспаривать необходимость отъезда Джейни, Змеиный Глаз немного смягчился. — Возможно, она беременна.

Все очки, набранные за сегодняшний вечер Уокером, испарились, как пустые метафоры, каковыми, собствен-

но говоря, они и были. И один из двух блондинов не был мужем этой женщины. Змеиный Глаз приходится ей братом. Это означало, что папаши предполагаемого отпрыска специалистки по спутниковому ТВ в непосредственной близости нет. Возможно, его нет и в великом штате Калифорния. Ясно, что такая ситуация отнюдь не способствует благодушию родственников.

Уокер вдруг почувствовал, что его неудержимо тянет в спальный мешок, в палатку, на суровый простор южного берега озера Коули.

— Прошу прощения, я никого не хотел обидеть, — выпалил Уокер, не делая пауз между словами.

Одним неуловимым движением он соскользнул со стула и достал из заднего кармана бумажник. Усталая барменша огребла безумные чаевые просто потому, что Уокер не хотел и не мог ждать сдачи.

Змеиный Глаз не сдвинулся с места, но и не сделал попытки преградить Уокеру путь к отступлению. Правда, Змеиный Глаз одарил его лаконичным напутствием и испепеляющим взглядом.

— Не болтай ерунды, парень. Но ты и правда ничего не обидел — это точно.

Уокер вышел из бара в пронизывающий холод наступавшей ночи. Безотказный до сих пор «дуранго» заартачился и не пожелал заводиться. Уокер лихорадочно переводил взгляд с прямоугольника стеклянной двери бара на упрямое зажигание. Двери оставались закрытыми, никто не собирался его преследовать. Когда двигатель наконец заработал, эмоции немного улеглись. Он принялся задним ходом выезжать с парковки. Единственное, чего сейчас не хватало для полного счастья, — это задеть драгоценный пикап какого-нибудь аборигена.

Но все обошлось благополучно, и спустя несколько секунд он уже был на дороге. Проехав полмили по ма-

гистрали штата, он свернул на покрытую гравием дорогу, ведущую к озеру. Посмотрев в зеркало заднего вида и не заметив сзади света фар, Уокер окончательно успокоился.

Что говорить, вечер был чарующим до самого конца. Переведя «дуранго» на полный привод, он подумал, что ему действительно крупно повезло. Допустим, Змеиный Глаз и его блондины не появились бы в баре. Допустим, он, Уокер, отправился бы к Джейни домой, проверить, насколько хорошо она умеет устанавливать спутниковые телевизоры. И что было бы, если бы ее суровый братец и его подручные явились спозаранку к ней домой, чтобы напомнить о визите к гинекологу? Это было бы намного хуже.

В общем, надо признать, что он очень удачно выпутался из этой весьма щекотливой ситуации. Доехав до озера и направившись на восток вдоль его южного берега, Маркус уже весело насвистывал.

Насколько он понимал, озеро было в его единоличном распоряжении, по крайней мере на весь следующий день. Последние отдыхающие, веселая пожилая пара из Грасс-Вэлли, упаковали вещи и во вторник свалили домой на своем выдавшем виды внедорожнике с автоприцепом. Уокер напрочь перестал испытывать тоску по человеческому общению. После сегодняшней стычки в баре он просто жаждал оказаться наконец на берегу озера, в своей палатке и в полном одиночестве на всю ночь, а если повезет, то и на весь завтрашний день. Он будет один, если не считать птиц, рыб, цветов и, может быть, пасущегося оленя.

Палатка на берегу была цела и невредима, снаряжение — нетронуто. Как все-таки хорошо брать напрокат застрахованное снаряжение, подумал он, остановив свой внедорожник. Выключив мотор, он выпрыгнул из

машины. Здесь вообще можно уйти в поход или на рыбалку, оставив вещи без присмотра. Это не Йосемайт и не Секвойя. Озеро Коули было в стороне от всех туристических маршрутов даже по меркам центральной части Сьерра-Невады. Они с друзьями именно поэтому выбрали это место для своего маленького пари.

Компактный газовый обогреватель вскоре нагрел палатку, а фонарь на аккумуляторах давал достаточно света, чтобы почитать захваченные с собой карманные книжки. Аккумуляторы были мощными, и фонарь можно было не выключать всякий раз, когда он не был нужен. Уокер взял напрокат палатку достаточно вместительную для четверых. Закусив в баре, он решил воздержаться от позднего ужина. После угрозы драки спальный мешок соблазнительно манил своим теплым уютом.

Он позволил себе съесть плитку импортного шоколада (с ликером, ингредиенты которого он сам и закупал когда-то), запив ее холодной водой, потом сбросил одежду и нырнул в спальный мешок. Протянув руку, он выключил сначала фонарь, а потом обогреватель. В палатке станет холодно, но в мешке ему будет тепло. Утром он включит обогреватель и, когда воздух согреется, вылезет из мешка. В любом случае Маркус не боялся холода. Он же из Чикаго.

Снова заухала местная ночная сова, и Маркус задумался: какого она вида? Наверное, более миролюбивая, чем совы, которые водились у Уокера на родине. Иногда перед палаткой раздавался хруст и треск — как будто кто-то ходил по ветвям, сухим листьям и камешкам. В первые две ночи он тревожно просыпался от этих звуков. Мысли о пещерных львах и горных медведях были потом вытеснены мыслями о койотах, потом бобрах и в конце концов о мышах и белках.

Никто не грыз его за ноги. Видимо, он не относился к естественной пище местной фауны, успокаивал себя Маркус, а палатка — это не та нора, где местные хищники обычно ищут добычу.

Адреналин поддерживал его внимание на дороге, заставляя бодрствовать. Но теперь, когда Уокер ослабился, сознание стремительно покинуло его вместе с тревогами и волнениями.

Глава 2

Разбудил его хруст. Лежа в спальном мешке, полусонный, Маркус попытался оживить свои несколько подавленные алкоголем умственные способности. Ему не показалось? Может быть, звук ему приснился? Громкий хруст повторился снова. Уокер окончательно проснулся и приподнялся на локте. Это не был шорох, произведенный мышью или крысой, промышлявшей у палатки в надежде украсть что-нибудь съестное. Это был громкий и отчетливый звук, говоривший о том, что на отзывчивую землю наступило какое-то крупное существо. Медведь? — подумал он, сев прямо. Олень?

Или еще хуже — один из пьяных мерзавцев — завсегдаев единственного бара стольного града Баг-Джампа, штат Калифорния? Возможно, простое изгнание случайного знакомого его пьяной беременной сестрицы не удовлетворило Коротышку Змеиноглаза. Но как они его нашли? Бесшумно выскользнув из спального мешка, Уокер быстро стал одеваться, пытаясь, сидя на корточках, справиться с джинсами, которые так и норовили повалить его на пол. Одновременно Маркус вглядывался в темноту сквозь полупрозрачную ткань палатки, стараясь рассмотреть обступившие ее тени и призраки.

Выследить его было нетрудно. Берег Коули сейчас, в конце сезона, пустынен. Кто-нибудь из местных рыбаков или деревенских жителей наверняка его видел, а слухи о приезжих очень быстро распространяются в таких маленьких городках.

Одевшись, Уокер почувствовал себя увереннее. Невыносимой была сама мысль о том, что его могут поколотить почти голым. Правда, это не будет иметь никакого значения для его врача. Или для друзей, которые, после возвращения в Чикаго, начнут изводить его своими благонамеренными причитаниями: «Я же говорил».

Пошарив рукой в темноте, он поднял с пола рыбацкий складной нож и раскрыл его, обнажив длинное лезвие. Иногда даже демонстрация готовности к сопротивлению останавливает нападающего. Одно дело — накинуться на сонного бедолагу туриста, лежащего в спальнике, и другое — столкнуться с вооруженным ножом детиной весом двести двадцать фунтов. Правда, если у них есть пистолеты, придется дать себя побить. Жизнь дороже.

Хруст повторился. Наклонившись, Уокер взял в руку мощный карманный фонарь. Можно вспышкой направленного в глаза света ослепить и обескуражить их. Они этого не ожидают.

То, что некая фигура, склонившаяся над палаткой и расстегнувшая молнию на клапане, не ожидала яркой вспышки, ударившей в глаза, стало ясно по ее реакции. Существо издало сдавленный рев, прикрыло горизонтально расположенные глаза прикрепленными на стержнях клапанами, резко отклонило назад мембрану слухового сенсора, торчавшего из макушки конического черепа, и отскочило от палатки.

Раскрыв рот, Уокер вперился в расстегнутый полог палатки. Внезапное отступление незваного гостя не осо-

бенно его успокоило. Он вдруг заметил, что перестал дышать, и судорожно вдохнул.

— Что за чертовщина?

Октябрь еще не наступил, значит, до Хеллоуина далеко. Впрочем, это было не важно. Это нечто, сунувшее свою переднюю часть в палатку, было не в маскарадном костюме. Такие вещи видны сразу. Может быть, ему все это показалось? Но если так оно и есть, то от чего же его так трясет и почему кажется, словно палатку атаковала орда светлячков?

Когда рука его перестала наконец трястись, перестал дрожать и фонарь, зажатый в ладони мертвой хваткой. Пляшущие светлячки снова приняли очертания четкого круга света и скромно остановились на стене палатки. От души желая находиться сейчас где угодно, даже в единственной таверне Баг-Джампа, Уокер осторожно протянул руку к пологу палатки, отдернул его в сторону и выглянул в образовавшееся отверстие.

Тварь, которую он ослепил лучом своего светодиодного фонаря, лежала на берегу у самой воды. Над ней склонился другой такой же ночной призрак. Эта вторая тварь держала в руке какое-то приспособление, испускавшее мигающий темно-коричневый луч на лицо пострадавшего призрака. Стоявшее существо имело рост около семи футов и плотное тело. Судя по всему, существо весило от трехсот до четырехсот фунтов. Ширина глаз доходила до двух дюймов, а в длину они достигали шести или семи дюймов. Глаза сходились в центре покатога лица, где должен был бы находиться нос, и окружали коническую голову почти целиком. Лунный свет отражался от светло-пурпурной плоти, которая проглядывала сквозь отверстия костюма существа. Было видно, что поверхность тела мелкобугристая, как мячик для гольфа.

Когда наполовину парализованный страхом Уокер устоялся на существо, оказывавшее экстренную офтальмологическую помощь попавшему в беду товарищу, он заметил маленькое обезьяноподобное создание, глазеющее на него из своего мягкого убежища. Подняв лишенную костей руку (вероятно, остов конечности состоял из мягкого хряща), существо повернуло в направлении Уокера головную присоску и издало низкий носовой звук (что удивило Уокера, так как у существа не было ноздрей), похожий на хлопок лопнувшего мусорного пакета:

— Сикрикаш галад вуме!

Не испытывая ни малейшего желания, чтобы ему сделали вуме, Уокер похлопал себя по правому карману, дабы удостовериться, что ключи от машины на месте, вывалился из палатки и с бешено колотящимся сердцем опрометью кинулся к внедорожнику. Несмотря на свою по преимуществу сидячую работу, он, как бывший спортсмен, сохранил неплохую физическую форму и очень быстро добежал до машины. Автомобиль манил его, как теплый супермаркет манит во время зимней стужи в середине января.

Пришельцы! Эта мысль неотвязным рефреном отдавалась в голове, пока он бежал. Реальные, настоящие, вземные пришельцы с другой планеты, из другой галактики. Эти пришельцы вовсе не были похожи на инопланетян, которых показывают по телевизору. Они не были худыми и малорослыми, большеголовыми, лысыми и голыми. Маркус был готов поклясться, что, судя по тому, что он успел разглядеть, услышать и учуять, они не были лишены половых признаков. Они были громогласными, огромными и сосредоточенными. В них не было ничего эфирного. Мало того, он ухитрился (надо надеяться, временно) ослепить одного из них.

Некоторые его чикагские друзья в такой ситуации, вероятно, подняли бы руки и кинулись обниматься с пришельцами, ласково чирикавая «Добро пожаловать!». Но Маркус Уокер не собирался совершать такую глупость. В Чикаго были глухие улицы, где делать такое тоже не рекомендовалось, и инстинкт диктовал Уокеру, что и в этой ситуации подобное поведение было бы неуместным. Если бы этим ночным визитерам была нужна компания, то им следовало бы спуститься в Баг-Джамп, где их сходство с некоторыми аборигенами наверняка облегчило бы контакт. Распахнув левую дверцу, он уселся за руль, захлопнул ее и включил центральный замок. Клацнув ключом, он с такой силой сунул его в гнездо зажигания, словно хотел выбить искру жизни из рулевой колонки. Он тихо выругался. Иногда такие же проблемы возникали у него с женщинами.

Возле дверцы возникло ночное существо, заслонив собой луну. На Уокера не мигая уставились зрачки вытянутых горизонтально глаз, похожих на темные резиновые жгуты. По спине пробежал жуткий холод, но у Маркуса уже не было сил дрожать.

Он наконец попал ключом в гнездо и повернул. Двигатель, ожив, взревел. Фары высветили еще две гигантские фигуры, стоявшие непосредственно перед машиной. В свете фар было видно, что пришельцы затаены в облегающую серебристую одежду. Один из них поднял свой придаток и прикрыл продолговатые глаза от света автомобильных фар. Другой протянул «руку» к ветровому стеклу внедорожника.

Раздался металлический скрежет, и левая передняя дверь распахнулась, словно Маркус ее не запирает. В кабину проник длинный лоскут мягкой тяжелой плоти — кошмар, покрытый гладкой скользкой кожей. Уокер попытался тронуть внедорожник с места. При-

соски лоскута немедленно впились ему в плечо и левую руку. Было такое впечатление, что к нему приставили сопла дюжины мощных пылесосов. Он перевел рычаг коробки передач и попытался сдать назад, но в ту же секунду почувствовал, что его выволакивают из машины. Впервые в жизни он по-настоящему пожалел о том, что не пристегнулся. Но он тут же сказал себе, что все равно не успел бы этого сделать, даже если бы сохранил ясность ума и способность здраво рассуждать.

Он не кричал, он лишь часто и поверхностно дышал, чувствуя, что вот-вот потеряет сознание от гипервентиляции. Инопланетная тварь бесцеремонно выволокла его из машины и потащила по земле. С трудом поднявшись, Уокер засеменял рядом, стараясь ухватиться рукой за место между усеянным присосками лоскутом и массивным телом неизвестного существа. Удивленное сопротивлением существо обернулось. Поиски уязвимое место для удара и не найдя ничего более подходящего, Уокер двинул правой ногой в провал между двумя лоскутами, которые служили инопланетянину нижними конечностями. Эти лоскуты тоже были снабжены присосками (но, в отличие от верхних конечностей, эти присоски обрамляли пластиковую по внешнему виду пластину, которая напоминала не обувь, а лыжу). Удар не возымел никакого действия на пленившего его пришельца.

Надо было захватить с собой фонарь, выругал себя Уокер.

Правда, существо все же отреагировало на это наглое проявление физического сопротивления. Свободный лоскут мелькнул в воздухе и обрушился на голову Уокера. Было такое чувство, что его огрели мешком с вареным овсом весом фунтов в пятьдесят. Этот кон-

кретный удар оглушил и свалил его с ног. Уокера подняли и понесли.

Возле космического судна пришельцев их дожидалась еще пара инопланетян, включая ослепленного фонарем. Корабль не слишком велик, подумал Уокер, разглядев сквозь заволакивавшую сознание пелену его очертания. Не больше мощного грузовика. Когда они приблизились к кораблю, обиженный Уокером пришелец протянул вперед лоскут и ударил Маркуса по макушке так, что в голове раздался мелодичный звон. Вот так обстоят дела с этикой высокоразвитых цивилизаций, вяло подумал Уокер.

И отключился.

Когда к Уокеру вернулось сознание, первое, что он увидел, была его палатка, оставшаяся на том же месте, где он ее и поставил, — на небольшом возвышении озерного берега. Он лежал на гальке между палаткой и водой. Утро, судя по всему, наступило недавно. Горный воздух был прозрачен и свеж. Яркое солнце высвечивало контуры серых камней. Пахло древесиной, хвоей и чистой свежей водой. В дупле темного низкого дерева сойка отчаянно спорила из-за орехов с упрямым бурндуком. Издалека доносился тихий шум потока, вливавшегося в озеро с противоположной стороны.

Вспомнив о пришельцах, Уокер резко сел.

Он сразу понял, что погорячился. Сначала надо было подумать и оценить свое физическое состояние. Вздрыгнув, он опасливо ощупал ту сторону лица, по которой пришелся удар инопланетянина. Лицо болело, и, вероятно, на коже появился кровоподтек. Не было видно никаких следов пришельцев и их корабля, не осталось даже вмятины на том месте, где он стоял.